

Рецензии

«Винтики и чудища» — вдумчивое размышление британского экономиста

Койл Д. Винтики и чудища: какая она, экономическая наука,
и какой она должна стать / пер. с англ. А. В. Белых
под науч. ред. А. А. Белых. М.: Издательство
Института Гайдара, 2025

Антон Леонидович Дмитриев

ORCID: 0000-0001-7478-6745

Кандидат экономических наук, доцент кафедры общей экономической теории и истории
экономической мысли, Санкт-Петербургский государственный экономический университет
(РФ, 191023, Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, 30/32)
E-mail: dmitr7171@mail.ru

Аннотация

В статье анализируется новая книга британского экономиста Дианы Койл «Винтики и чудища: какая она, экономическая наука, и какой она должна стать», выпущенная издательством Института Гайдара в 2025 году. В книге анализируются кризисные проблемы экономической теории и показывается необходимость реформирования ряда ее разделов в результате произошедших перемен в реальной экономике. Приводятся многочисленные примеры того, как экономические модели не способны описать экономическую реальность и тем более непригодны для прогнозирования. Койл наглядно показывает вызовы экономической науке, которые ставит перед ней процесс цифровизации экономики и внедрения искусственного интеллекта, и предлагает пересмотреть ряд стандартных экономических моделей. По мнению автора книги, традиционная экономическая наука до сих пор рассматривает людей как некие «винтики», то есть рациональных, расчетливых, независимых агентов, действующих в четко определенных условиях. Но цифровая экономика значительно больше характеризуется другими агентами — «чудищами», то есть неконтролируемыми, нарастающими как снежный ком и социально обусловленными неизвестными. Экономическая наука, рассматривая людей в качестве «винтиков», порождает «чудищ», оставаясь тем самым без инструментов для понимания новых проблем и современных вызовов практики. Книга будет интересна всем, кто занимается вопросами экономической теории и методологией экономической науки.

Ключевые слова: история экономической мысли, реформирование экономической науки, экономическая методология

JEL: A11

Reviews

Cogs and Monsters Contains a British Economist's Thought-Provoking Reflections

Coyle D. *Cogs and Monsters: What Economics Is, and What It Should Be*. Transl. From Eng. by A. V. Belykh, tech. ed. A. A. Belykh. Moscow, Gaidar Institute Publishing House, 2025

Anton L. Dmitriev

ORCID: 0000-0001-7478-6745

Dr. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, St. Petersburg State University of Economics,^a e-mail: dmitr7171@mail.ru

^a 30/32, nab. kanala Griboedova, St. Petersburg, 191023, Russian Federation

Abstract

Diane Coyle's recent book *Cogs and Monsters* has been translated from English by Alla Belykh and published in 2025 by the Gaidar Institute Publishing House. The book highlights crucial problems in economic theory and argues that a number of its branches need reform in order to respond to changes in the real economy. Numerous examples show that economic models are unable to describe economic reality and are unsuitable for making predictions. Coyle shows the clear challenges to economics presented by both the digitalization of the economy and the introduction of artificial intelligence, and she proposes revisions in several standard economic models. The book points out that traditional economic science still views people as "cogs" who are rational, calculating, independent agents acting within clearly defined conditions. But the digital economy is swayed much more by other agents, the "monsters," forces that are uncontrollable, ever accelerating, and influenced socially by unknowns. When people are regarded as cogs, the economy itself creates monsters and thus lacks tools for understanding new problems and contemporary challenges to existing practices. *Cogs and Monsters* will interest anyone who deals with issues in economic theory and the methodology of economic science.

Keywords: economic theory, history of economic thought, reform of economic science, economic methodology, economic crisis

JEL: A11

В издательстве Института Гайдара вышла в свет очередная книга, которая несомненно должна привлечь внимание читателей. Название этой книги (в оригинале «Cogs and Monsters. What Economics Is, and What It Should Be») на первый взгляд может вызывать недоумение, но подзаголовок несколько проясняет, о чем она. Добравшись до 204-й страницы, читатели окончательно поймут замысел автора, который не будем раскрывать, сохраняя интригу названия.

Нельзя сказать, что чтение книги будет очень легким: хотя читатель и не найдет здесь ни одной формулы или сложного графика, но знание современных разделов экономической теории всё же необходимо, хотя бы на уровне вводного учебника “Economics”, а также общего представления об отдельных разделах экономико-математических знаний (например, теории игр или эконометрики) и теории корпоративных финансов. Книга Дианы Койл, одновременно ученого-экономиста и экономиста-практика, работавшей и в Казначействе Великобритании, и в Кембриджском университете, ставит много важных вопросов для осмысления процессов, происходящих в современной экономике, и их отражения в экономической теории. Книга состоит из шести глав, почти каждая из которых, как пишет сам автор, была апробирована в виде лекций и выступлений. Вся книга — это попытка переосмысления устоявшихся стереотипов в различных разделах экономической теории — от теории полезности до экономики благосостояния. Кроме того, и увлекательное интеллектуальное чтение, книга заставляет читателя думать — а это главное.

В начале книги автор декларирует: «Надеюсь, мне удастся показать, какие изменения необходимо произвести в этой дисциплине, чтобы она была релевантной для XXI века. Рассматриваемые вопросы касаются фундаментальной парадигмы экономической теории — ее философских основ, корнями уходящих в утилитаризм; правомочности проведения различий между позитивной и нормативной экономическими теориями; особенностей динамики социо-экономических систем, которые не укладываются в стандартные рамки; роли влияния общества на экономическую дисциплину, построенную на принципах методологического индивидуализма; а также возможности социальной науки изменить сферу собственных исследований» (с. 20). Замах, нужно согласиться, очень сильный. Но читатель, который дочитает эту книгу до конца, убедится в том, что десять лет работы Койл не пропали даром и автор вполне справился с амбициозной задачей. Остановимся на некоторых самых ярких сюжетах книги.

В первой главе «Ответственность экономиста перед обществом» автор поднимает важный вопрос ответственности экономистов за экономическую политику и экономические прогнозы. Койл подчер-

кивает, что макроэкономисты подвергались серьезной критике за то, что они не предугадали возможность наступления кризиса 2008 года, «поскольку большинство прогностических моделей того времени полностью исключало подобные события». Экономистов, которые занимались вопросами финансов, осыпали насмешками за их «гипотезу об эффективности рынков», согласно которой «в ценах активов уже учтена вся имеющаяся на настоящий момент информация о будущих доходах от этих активов, и поэтому невозможно прогнозировать динамику их цен» (с. 40). Из этого Койл делает вывод, что в экономике ничто не может быть объяснено одной-единственной причиной. Так, из кризиса на финансовом рынке следует, что известная модель Блэка — Шоулза — Мертона сыграла роль «доктора Франкенштейна», опасного «монстра» современных рынков деривативов (с. 43). Это свидетельствует о том, что реальная экономика постоянно меняется и финансовые теории должны учитывать данное обстоятельство и тоже меняться. Для большинства современных экономистов финансовая теория и гипотеза об эффективности рынков вряд ли, мягко говоря, являются «краеугольным камнем их областей исследований» (с. 48).

Автор убедительно проводит мысль, четко выраженную Джоном Картлиджем из Бристольского университета: «Экономическая теория всегда отставала от экономической реальности, а теперь скорость, с которой происходят технологические перемены, увеличивает этот разрыв в геометрической прогрессии. Это приводит к пугающему результату: сегодня мы живем в мире, находящемся под властью финансового рынка, о котором мы не имеем ни малейшего теоретического представления» (с. 46), — и добавляет к взглядам Картлиджа, что еще более пугает мысль о том, что экономическая наука (теория) может опережать экономическую реальность, «и у нас нет четкого понимания ни первого, ни второго» (с. 46).

Койл обращает внимание читателя на важное обстоятельство, ставшее сегодня реальностью: «...экономическая наука формирует окружающий нас мир». В качестве примера приводится монетарная политика: многим экономистам, разрабатывающим экономическую политику, очень хотелось бы, чтобы «их модели могли убедить всех и каждого, что инфляция не превысит целевых значений, однако их модели больше не заслуживают доверия» (с. 50). В результате, как было показано нобелевским лауреатом Робертом Шиллером на многих примерах, экономические теории создают нарратив, оказывающий непосредственное влияние на судьбы экономики. По мнению автора книги, к таким вещам нужно относиться особенно осторожно и видеть большую опасность этого.

Большое внимание Койл уделяет обсуждению вопроса о роли рынка в современной экономике и концепции общего экономиче-

ского равновесия. По ее мнению, важнейшим принципом экономической теории стала глобальная идея «общего равновесия», согласно которой в экономике всё взаимосвязано и любое действие может иметь далеко идущие последствия. «Это весьма полезная прививка против искушения, — замечает автор, — полностью погрузиться в социальную инженерию, поскольку очень сложно просчитать все возможные последствия того или иного шага или той или иной экономической политики» (с. 62). Теория же общего равновесия — специфическая теория, которая описывает абстрактный идеальный мир идентичных индивидов, делающих свой экономический выбор в соответствии с ранее сформированными предпочтениями. Койл поясняет, что исходные допущения позволяют доказать, что конкурентное равновесие «будет копировать решения всеобъемлющего и эффективного централизованного планирования» (с. 63). Централизованное планирование доказало свою неэффективность в СССР и других странах Восточной Европы. Тем не менее идея конкурентного равновесия весьма плодотворна, поскольку сама конкуренция «обеспечивает беспрецедентные способы с течением времени изменять распределение ресурсов» (с. 65–66). Существует еще одно обстоятельство: при анализе различных рынков как механизма процесса совмещения спроса и предложения и рассмотрении этих рынков как способа своего рода «выставления цены» на все товары и услуги появляется возможность произвести переоценку общественной или внутренней стоимости товара. В качестве примеров автор приводит ситуацию на рынке услуг здравоохранения Великобритании.

Например, большинство жителей выступают за то, чтобы исключить возможность предоставления медицинских услуг только на рыночных условиях: не только богатые должны иметь возможность приобрести себе новые почки или сердце в случае необходимости. Здесь, по мнению Койл, «просматривается различие между ценностями и процессами» (с. 70). Так, лауреат Нобелевской премии по экономике Элвин Рот, потративший много времени на изучение «отвратительных рынков» (по его терминологии), разработал механизм обмена почками. В этом процессе не существует передачи денег — происходит как бы имитация рынка, когда для потребителя необходимо найти подходящего поставщика. В результате использования этого механизма за несколько лет 30 пациентов из Новой Англии получили почки, причем без их оценки в денежном выражении. А к 2020 году этой схемой смогли воспользоваться тысячи людей по всему миру.

Койл анализирует популярное в настоящее время направление в экономической науке — поведенческую экономику, отмеченную Нобелевской премией в 2002 году (лауреаты — Дэниэл Кане-

ман, Вернон Смит). Она замечает, что ряд исследователей, наблюдая за поведением животных, обнаружили, что «голуби, крысы, пчелы и обезьяны-капуцины, обмениваясь пищей, также ведут себя как рациональный расчетливый *homo economicus*» (с. 76). В связи с такого рода «диффузией наук» Койл приводит любопытный исторический факт: теория народонаселения Томаса Мальтуса стала источником вдохновения для Чарльза Дарвина, чьи работы, в свою очередь, воодушевили других исследователей, начиная с социал-дарвинистов и заканчивая Карлом Марксом («Маркс хотел посвятить Дарвину свой “Капитал”, но, обратившись к нему с просьбой дать на это разрешение, получил вежливый отказ» (с. 77)). Такое взаимодействие с другими науками, по мнению Койл, чрезвычайно полезно и может приводить к некоторым интеллектуальным прорывам. Например, при изучении финансового сектора используются модели сложности и сетей, которые были разработаны в экологии. Здесь автор высказывает очень здравую идею относительно дальнейшего развития экономической теории, апеллируя к Дэвиду Юму: амбициозная задача политической экономии состоит в том, чтобы выяснить, как «история и культура формируют индивидуальные и общественные решения по поводу использования ресурсов и как эти решения встраиваются в природный мир» (с. 78).

Для Койл важно показать читателю, что экономическая наука является фундаментом адекватной экономической политики. Однако преимущества науки не всегда лежат на поверхности. Она замечает: «У меня есть некоторое представление о том, как принимаются решения в Уайтхолле, поскольку я имела опыт работы сначала в качестве экономиста при британском правительстве, а затем была членом различных комитетов по разработке экономической политики, а также разных органов управления. У меня сложилось впечатление, что британское правительство принимает решения из лучших побуждений, но очень часто, по вышеописанным причинам, их решения оказываются неправильными» (с. 91). В связи с этим она обращает внимание на метод «затраты и выгоды» и понятие альтернативных затрат, на что обращал внимание в свое время нобелевский лауреат Рональд Коуз, отмечая, что при использовании метода «затраты и выгоды» в любой экономической политике необходимо учитывать эффект затрат самих политико-экономических действий. В книге много примеров, когда предложения экономистов относительно экономической политики были неудовлетворительными, а принимаемые решения не учитывали отдаленных последствий.

В качестве иллюстрации грамотной экономической политики приводится пример организации аукционов по продаже телекоммуникационным компаниям прав на использование частот

в стандарте 3G, что позволило правительству Великобритании выручить 22,5 млрд фунтов стерлингов на аукционе 2000 года (2,5% ВВП страны на тот период).

Койл на многочисленных примерах показывает, что макроэкономика в отличие от микроэкономики более подвержена изменениям в связи с появлением новых тенденций в окружающем экономическом мире. В этой связи она отмечает, что экономисты не должны стесняться признавать свои ошибки и вносить поправки в учебники, убирая те модели, которые больше не находят эмпирических подтверждений или не учитывают новых реалий. Так, в 2019 году в Гарвардском университете был модернизирован знаменитый вводный курс Ec 10, который долгое время читали Грегори Мэнкью¹, Джейсон Фурман и Дэвид Лейбсон. Койл подчеркивает, что новые руководители курса сделали это во многом из-за того, что со стороны студентов неоднократно высказывалось недовольство!

Один из параграфов первой главы книги Д. Койл называется «Ответственность экономистов перед обществом». В нем автор сформулировала ряд важных утверждений: (1) не бояться озвучивать собственные выводы, если они основаны на надежных эмпирических данных; (2) проявлять скромность относительно собственных результатов, осознавать, что знания имеют свои границы и иногда полезно сомневаться; (3) не уклоняться от участия в дискуссиях по спорным вопросам; (4) если экономист выдвигает аргументы исходя из собственных политических взглядов, а не эмпирических данных, то он обязан честно об этом сказать; (5) экономистам следует больше общаться с не-экономистами и широкой публикой, поскольку ни одна самая хорошая экономическая политика не сможет быть внедрена в жизнь, если у нее не будет легитимности в глазах народа, а общество в целом отличается весьма слабыми знаниями в области экономики (с. 126). К этому добавить нечего.

Во второй главе книги, которая называется «Экономист как сторонний наблюдатель», читателей, несомненно, привлечет внимание параграф «Наша методология — это дурдом». В нем автор довольно метко и хлестко критикует многие экономические модели за их бесполезность и нереалистичность. Дело в том, что для экономистов, как отмечает Койл, модель является основой их методологии: «Модель — это попытка понять мир» (с. 137). В нее должны включаться только релевантные детали, и качественная модель будет служить мощным механизмом для экономического анализа и прогноза. Между тем, Койл вынуждена констатировать,

¹ Учебники Мэнкью по макроэкономике и принципам экономики очень хорошо знакомы российскому читателю благодаря большим тиражам переводных изданий в 1990–2000-х годах.

что часто современные математические модели создаются ради того, чтобы они были, — без этого невозможно напечатать статью в солидном журнале, — и приводит пример из собственного печального опыта. Даже нобелевский лауреат Пол Ромер, публикующий весьма математизированные статьи, вынужден был выступить с резкой критикой такого повального увлечения моделями ради моделей, назвав его «математическим помешательством» (с. 138). В качестве яркого примера Койл приводит ситуацию с теоретико-игровым аппаратом, ссылаясь на крупнейшего специалиста в этом направлении Ариэля Рубинштейна, который апробировал на практике специфические игры и стратегии конкуренции, проводя опросы среди своих студентов, слушателей лекций и подписчиков своего сайта. Им было собрано более 13 тыс. ответов. На их основе Рубинштейн пришел к парадоксальному выводу: в реальной жизни люди ведут себя совсем не так, как должны были бы себя вести согласно допущениям моделей, построенных в рамках теории игр. Лишь небольшое число респондентов продемонстрировали результаты, близкие к равновесию по Нэшу, что прогнозировалось в теории. Большинство же респондентов выбрали весьма «наивные» решения, в которых совершенно не учитывалось, каким может быть поведение других игроков. Рубинштейн констатировал, что если «рациональный игрок», который умеет просчитывать ситуацию, базирует свою игру на гипотезе о том, что другие игроки будут вести себя аналогичным образом, то он может оказаться в конечном итоге в менее выгодном положении по сравнению с тем, если бы он изначально предполагал, что поведение остальных игроков будет «наивным». Из этого примера следует, что хотя теория игр и является хорошим инструментом для моделирования поведения участников рынка, применять ее нужно аккуратно, оглядываясь на реалистичность предпосылок и возможность эмпирической проверки поведения игроков.

В третьей главе, которая называется «Ното *Economicus*, искусственный интеллект, крысы и люди», чрезвычайно любопытны рассуждения Койла относительно критериев общественного благосостояния. «Экономическая наука резко сократила свою способность оценивать общественное благосостояние, исключив из своего поля зрения ситуации, в которых имеются выигравшие и проигравшие, а такие ситуации существуют практически в любом политическом контексте» (с. 184). Действительно, в теоретическом арсенале экономистов есть критерий Парето-оптимальности, критерии Калдора — Хикса, двойной критерий Скитовски, функции общественного благосостояния Бергсона и Самуэльсона. Но, замечает Койл, по словам Уильяма Джека Баумоля, напри-

мер, критерий Калдора — Хикса «не устранил проблему межличностного сравнения полезности. Он только превратил полезность в линейку для измерения денег, в линейку, которая может ужиматься и растягиваться и в итоге ломаться в наших руках на мелкие кусочки» (с. 184). Теорема Эрроу о (не)возможности, которая постулирует невозможность агрегирования индивидуальных полезностей при выполнении оптимума по Парето и отсутствия диктатора, является констатацией очевидной истины. «Невозможность», поясняет Койл, — это результат противоречия между попыткой предложить имплицитные суждения в духе функции общественного благосостояния и одновременно исключить возможность сравнения уровня благосостояния разных людей.

Разумеется, оценки благосостояния используются в различных областях прикладной экономики, но, как отмечает автор, при использовании критерия Парето «возникает одно слабое место — мы, как профессионалы, оказываемся связанными по рукам и ногам в результате принятия такой меры общественного благосостояния, которая безразлична к распределению ресурсов» (с. 191). Так, если при проведении определенной экономической политики многие бедные люди улучшают свое материальное положение, но один богатый человек станет беднее, то вмешательство государства, согласно критерию благосостояния по Парето, терпит фиаско! Это обстоятельство требует очень аккуратного отношения к Парето-оптимальности применительно к реальной экономической политике.

Четвертая глава книги, названная, как и вся книга, «Винтики и чудища», посвящена влиянию на построение экономических моделей технического прогресса и цифровой экономики. На с. 205 можно увидеть фотографию машины Филлипса из Кембриджского университета (компьютер MONIAC (Monetary National Income Analogue Computer), созданный в 1949 году), подсказавшую автору название всей книги. Здесь читателя ждет вдумчивое обсуждение проблем учета цифровых продуктов при расчете макроэкономических показателей, а также вопросов определения рыночной ценности цифровых услуг. В реальной жизни появляются всё новые и новые товары, которых ранее не было (например, смартфоны).

Особый интерес в четвертой главе представляет параграф «Политическая арифметика», в котором обсуждаются методологические вопросы учета реального ВВП и других макропоказателей. Койл констатирует, что ВВП является стандартной мерой прогресса с учетом корректировки изменения уровня цен, но тут же замечает, что реальный ВВП не измеряет что-то реальное. Это область чистой теории. Главным вопросом при попытках измерения

экономического прогресса становится проблема учета процесса постоянного внедрения инноваций. Но возникают и другие проблемы: например, как отразить улучшение качества одного и того же товара. Всё это нужно учитывать при оперировании реальными макропоказателями. Читатель найдет здесь массу интересных примеров из экономической истории, когда сравнения за длительный период времени становились не вполне корректными.

Главы пятая и шестая книги посвящены проблемам экономической политики и экономической науки в условиях цифровой экономики. Автор четко определяет круг вопросов и проблем, с которыми столкнется и уже сейчас сталкивается экономическая теория. Например, обсуждается микроэкономическое моделирование цифровых платформ и цифровых продуктов, когда предельные затраты оказываются практически нулевыми, а постоянные издержки растут. Фундаментальная проблема разработки экономической политики в цифровой экономике заключатся, по мнению автора, в том, что «сегодня не существует никакой установленной процедуры оценки социального благосостояния» (с. 311).

В заключение хотелось бы привести длинную цитату из книги, которая подводит итог исследованию: «Я не знаю, какой именно будет очередная парадигма экономической науки, но могу с уверенностью предположить, что в ней, по умолчанию, будут присутствовать такие факторы, как возрастающая отдача от масштаба, информационная асимметрия, всепроникающие сетевые эффекты и экстерналии, отношения принципал — агент, взаимодействие между людьми, принимающими решения, то есть все многочисленные характеристики цифровой экономики, которые уже учитываются во многих экономических моделях и в профессиональных кругах, но еще не стали мейнстримом и не были интегрированы в экономическую теорию в полном соответствии с тем, какую роль они играют в формировании современного интеллектуального климата» (с. 313). Здесь же дается совет современным экономистам-теоретикам: нужно отойти от чисто технократического подхода, вернувшись к политической экономии. Для этого придется совместить знание исторических процессов с навыками программирования на Python, что доставит определенные неудобства.

Особо хочется отметить блестящий перевод, выполненный Аллой Белых, под редакцией Андрея Белых. Переводчик и научный редактор очень внимательно отнеслись к специальной терминологии и именам собственным. Это, безусловно, пример заботы о читателе и академической культуры, что не часто встречается в переводных изданиях. К сожалению, в книге отсутствует указатель имен, что было бы крайне желательным в такого рода исследовании.